

частности А. Конечны), наиболее перспективные участки уже разработаны экспедицией и в ближайшем будущем новых исследований производиться не будет. По данным Археологического проекта Восточной Беотии и управления древностей региона, на сегодняшний день активные раскопки на территории Беотии проходят лишь в древнем Элеоне (материал преимущественно микенского периода).

Итак, нами были охарактеризованы четыре этапа исследования платейского полиса. В рамках проведенных экспедиций были изучены акрополь, укрепления, жилые и ремесленные постройки, сакральные пространства, проанализированы некоторые находки. Однако неоднократные разрушения города привели к тому, что археологическое исследование Платей не позволяет последовательно проследить их историю, – практически не дошли до сегодняшнего времени слои периода архаики. Это не даёт возможности рассмотреть по вещественным источникам процесс формирования платейского полиса. Дальнейших же эмпирических исследований территории Платей не предвидится, вследствие чего исследователям придется ориентироваться только на уже опубликованный материал.

Библиографические ссылки

1. Albanidis E., Vouzanidou E. The Eleutheria (Liberation games) of Plataea in Ancient Greece // Studies in physical culture and tourism. Vol. 1(15). 2008. P. 49–52.
2. Aravantinos V., Konecny A., Marchese R.T. Plataiai in Boiotia. A Preliminary Report of the 1996–2001 Campaigns // Hesperia. 2003. Vol. 72. P. 281–320.
3. Hansen M. H., Nielsen T. H. An Inventory of archaic and classical Poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation. Oxford : Oxford University Press, 2004.
4. Konecny A., Aravantinos V., Marchese R. Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis. Wien : Österreichisches Archäologisches Institut, 2013.
5. Skias A. Ανασκαφή εν Πλαταίαις. Prakt, 1899. P. 42–56.
6. Spyropoulos Th. Boiotian Discoveries I. Plataia, Teiresias 3. 1973. Vol. 2–3. P. 2–6.
7. Waldstein Ch., Tarbell F. B., Rolfe J. C. Report on Excavations at Plataia in 1889 // American Journal of Archaeology. 1889. Vol. 5. P. 428–442.
8. Waldstein Ch., Washington H. S., Irving-Hunt W. Discoveries at Plataia in 1890 // American Journal of Archaeology. 1890. Vol. 6. P. 445–475.

СВЯТИЛИЩА В СИСТЕМЕ МЕЖПОЛИСНЫХ СВЯЗЕЙ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ (СВЯТИЛИЩЕ АРТЕМИДЫ ЛЕВКОФРИЕНЫ В МАГНЕСИИ-НА-МЕАНДРЕ)

А. Б. Шарнина

Санкт Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, ariadna@setname.com

В статье показывается, что реорганизация местных обрядов в праздники общегреческого значения была вызвана не только военными причинами, но в большей степени стремлением полисов обозначить свое эллинское единство, сохранить старые связи в условиях новых эллинистических государств.

Ключевые слова: полисы; Артемида; святилище Артемиды Левкофриены.

The article proves that the reorganization of local rituals in the holidays of general Greek significance was caused not only by military reasons, but to a greater extent by the desire of the polis to designate their Hellenic unity, to maintain old ties in the conditions of the new Hellenistic states.

Keywords: policies; Artemis; the sanctuary of Artemis Leucophryene.

В эпоху эллинизма в греческом мире появляется новая/старая традиция: установление праздников общегреческого значения. Старая – потому что эта традиция берет начало от Олимпийских игр, основанных по преданию как общегреческий праздник в 776 г. до н.э. В VI в. до н.э. ещё три праздника получили такой же статус: Пифийские игры в Дельфах, Немейские игры в священной роще Немее около Аргоса, Истмийские игры в Коринфе. С середины III в. до н.э. полисы один за другим начинают приглашать на праздники в честь своих главных богов всех эллинов, и учреждают агоны (состязания) стефанитес, наградами на которых были венки. Награды победителям на них приравнивались к наградам на агонах одного из четырех

панэллинских празднеств. Как правило, для всеобщего признания такого статуса праздника нужна была эпифания божества.

Наибольший интерес для изучения этого массового явления III – II вв. до н.э. представляет большой архив документов, который собрали и вырезали на стене портика на агоре жители Магнесии-на-Меандре, города в Малой Азии, где было древнее святилище Артемиды Левкофриены. Этот город когда-то получил в управление от персидского царя Фемистокла. Павсаний пишет, что он видел в Афинах статую Артемиды Левкофриены, посвященную сыновьями Фемистокла, так как её почитают магнеты (Paus. I, 26, 4).

Всего сохранилось более 60 постановлений и писем. Предполагают, что это около 2/3 всех надписей. К 15 постановлениям были приписаны названия более чем 100 общин, чьи постановления не были вырезаны на стене. Таким образом, магнеты разослали послы почти к 200 общинам и монархам [1,151; 2,95; 3,180; 5,80].

В одной из надписей рассказывается «священная история» праздника (66)¹. Начало текста плохо сохранилось. Возможно, речь идет о прежде полученных оракулах Аполлона, в которых бог повелел хранить город священным (66, 3–4). Впоследствии, когда явилась жителям Артемиде, граждане снова спросили оракул. Бог ответил, что для почитающих Аполлона Пифийского и Артемиду Левкофриену более желанное и лучшее, чтобы город магнетов и хора были священными и неприкосновенными (ἱερὸν καὶ ἀσυλόν) (66, 6–8). Если в прежних оракулах Аполлон говорит только о священном городе, то здесь уже добавляется «неприкосновенный». Эта двойная формула не случайна. Прилагательное ἀσυλόν – буквально значит «безопасный от грабежа и насилия», то есть тот, кого нельзя грабить, например, разбойникам или пиратам. Он мог быть не связан напрямую с религиозными обычаями, а являлся проявлением доброй воли какого-нибудь гражданина или результатом взаимных договоренностей общин. Слово ἱερὸν в данном выражении придавало сакральное значение запрету грабить или выдавать просящих о спасении. Явление богини магнетам стало основанием для обращения их ко всем эллинам.

В надписи указана дата эпифании богини и оракула – 221 г. до н.э. (66,10–16) [3,18]. Версия, что после этого граждане Магнесии-на-Меандре пытались учредить агон, общий для эллинов, живущих в Азии, но получили отказ, была основана на принятом до недавнего времени чтении нескольких строк надписи (66, 16–20). Убедительным кажется исправление текста и толкование его, предложенное рядом исследователей, из которого следует, что не было никакой попытки установить агон для эллинов Азии, а магнеты начинают «священную историю» праздника с утверждения, что они первыми из эллинов, живущих в Азии, «приняли решение установить агон стефанитес» в исполнение оракула бога и чтобы почтить Артемиду Левкофриену [6,155]. Но только на четырнадцатом году после получения оракула, как говорится в надписи (66,25–26), они обратились ко всем эллинам. Причины такого большого перерыва в тексте не разъясняются. Возможно, все эти годы ушли на дипломатическую подготовку. Косвенным подтверждением этого может быть постановление Этолийского союза 221 г. до н.э. (67) [3,191]. То, что магнеты начали с Этолийского союза, можно объяснить тем, что тогда селения и города Средиземноморья страдали от набегов этолийских пиратов, а также тем, что этолийцы в III в. до н.э. контролировали Дельфы и Пилейско-Дельфийскую амфикионию. В постановлении Этолийского союза не упоминается агон. Скорее всего, магнеты тогда и не просили их о его признании. В надписи говорится, что послы прибыли восстановить дружбу с народом этолийцев и подтвердить верность Этолийскому союзу (67,6–8). Для Магнесии-на-Меандре было важно добиться признания этолийцами асии как гарантии защиты от нападений этолийских пиратов. В решении этолийцев говорится, что «не позволено никому из этолян или живущих в Этолии захватывать людей с территории магнетян ни на суше, ни на море», а у тех, кто это все-таки совершит, следует конфисковать «видимое имущество», а на «невидимое имущество» наложить штраф. Собранные таким образом средства следует передать жертве (67,12–20). Очевидно, что здесь речь идет о запрете набегов пиратов на земли Магнесии-на-Меандре. Прежде чем, приглашать гостей на праздник, нужно было им гарантировать безопасное пребывание в стране. Кроме того, этолийцы дали магнетам два голоса в

¹ В круглых скобках здесь и далее указываются №№ надписей по изданию Rigsby K. J. *Asylia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.1996.

Амфикионии (67,21). Это тоже должно было стать веским обоснованием просьбы Магнесии при обращении к другим общинам. Получив согласие Этолийского союза, добившись гарантий безопасности для прибывающих гостей, можно было уже обращаться и к другим полисам и союзам. Текст письма самих магнетов к городам, общинам и монархам не сохранился. Но он частично воспроизводится в ответных постановлениях [1,153]. В них нет упоминания о монархах, кроме, разумеется, писем самих монархов, хотя Магнесия была в державе Селевкидов. Полис рассылает послов по собственной инициативе во все концы Средиземноморья: от Сицилии до Ирана.

В своих посланиях магнеты кроме рассказа об эпифании богов и оракуле напоминают о своих заслугах перед эллинами. В ответе жителей Итаки говорится, что послы рассказали об эпифании Артемиды и о благодеяниях их предков эллинам и святилищу в Дельфах (86,7–10). Граждане Мегалополя вспоминают, что когда-то магнеты приняли благосклонно послов Мегалополя и дали на строительство стены 300 дариков (88,26–28). Видимо, речь идет о времени основания Мегалополя в 369 г. до н.э. Граждане Эпидамна, воспроизводят, очевидно, слова магнетов о помощи их предков Дельфам в отражении нападения галатов (96, 9–10), вспоминают о благодеянии, которое магнетяне оказали союзу критян, когда они выступили посредниками в споре критских городов Гортины и Гносия, разрешив войну между соплеменниками (96,11). Послы Магнесии рассказывали о благодеяниях другим полисам, ссылаясь на оракулы бога, поэтов и историографов, записавших деяния магнетов, а также принесли и постановления городов, бывшие у них, в которых были записаны почести и венки во славу города (86,10–12). Они старались показать, что тесно связаны с эллинским миром. В ответных постановлениях полисов, например, Афин (87, 14), Итаки (86, 3), Мегалополя (88, 20), говорится о дружбе и родстве с магнетами. В постановлении Халкиды, принятом в ответ на письмо македонского царя Филиппа, просившего принять послов магнетов, утверждается, что магнеты родственники македонян (97, 2– 4). Вообще тема родства проходит красной нитью почти через все постановления [4,120–122]. Очевидно, что сами магнеты акцентировали внимание на своем родстве с эллинами, считая это необходимым условием для установления связей. Но это также говорит о том, что в это время греческие общины стремились сплотиться на основе реальных или мифических родственных связей, противопоставляя себя «варварскому» окружению. По мнению итальянского историка Р. Санмартано, таким «варваром» для некоторых общин в это время был Рим. Так, Сиракузы, незадолго до этого захваченные римлянами, с готовностью приняли приглашение магнетов, чтобы вновь войти в религиозную панэллинскую жизнь, и так утвердить свою идентичность, культурную и этническую [4,137].

Желание жителей Магнесии-на-Меандре добиться признания священной и неприкосновенной не только города, но и хоры, может объясняться и тем, что они хотели так закрепить свое право на окрестные земли, из-за которых шли споры с соседями, как например, с Милетом. Все полисы принимают игры, но признают город и хору Магнесии священными неприкосновенными далеко не все. Например, афиняне (87,18–19), жители Итаки (86,16–17) и Мегалополя (88,16–18) объявляют город и хору священными и неприкосновенными. А Халкида (97), Аргос (90), Сикион (91) вообще не говорят об асии. Аттал I (68,17) и Птолемей IV (71,14–15) пишут только, что они принимают агон.

В постановлениях Мегалополя (88,12) Аргоса (90,18), Эпидамна (96,22), Коринфа (92,7), говорится также о принятии екехейрии – священном перемирии на время праздника. В постановлении Афин вместо екехейрии говорится о принятии мира (*spondai*) с Магнесией (87, 27).

Обычно считалось, что распространение праздников общеэллинского значения было связано со стремлением полисов обеспечить себе нейтралитет среди бушующих войн эпохи эллинизма [3,16]. Очевидно, что признание Магнесии-на-Меандре и её хоры священной и неприкосновенной было вопросом политическим. Причины, по которым цари и зависимые от них города не хотели на это соглашаться, вероятно, определялись конкретными интересами в этом регионе. Запрет выдавать молящих о защите уходил корнями в древнюю традицию и религиозные представления. И его, скорее всего, соблюдали и без специальных постановлений, поэтому это не нужно было оговаривать особо. А вот исключение территории из военных конфликтов не могло уже быть автоматическим. Последующие события показали, что признание неприкосновенности Магнесии не защищало её от войны. В 201 г. армия Филиппа V

наложила реквизиции на Магнесию. (Полибий. 16.24.6). В 180-х гг. Магнесия и Милет воевали между собой. Сохранившийся договор между ними ничего не говорит об асии [3,184]. К тому же признание асии всего города ограничивало возможности монархов по вмешательству во внутренние дела подчиненных им полисов. Представляется, что реорганизация местных обрядов в праздники общегреческого значения была вызвана не только военными причинами, но в большей степени стремлением полисов обозначить своё эллинское единство, поддерживать старые связи в условиях новых эллинистических государств.

Параллельно истории войн, завоеваний и политических переворотов существует и другая – история мирной жизни, религиозных связей, невидимыми нитями соединяющих селения и города, между собой, и способствующих сохранению единой эллинской культуры.

Библиографические ссылки

1. Ceccarelli P. Diplomatic Protocols in the Hellenistic Period // *Letters and Communities: Studies in the Social-Political Dimensions of Ancient Epistolography*. Oxford : Oxford University Press, 2018. P. 147–183.
2. Hammerschmied K. The Panhellenic Festival of Artemis Leukophryene in Magnesia-On-The-Meander. A Spatial Analysis of a Hellenistic Procession // *Approaching the Sacred. Pilgrimage in historical and intercultural perspective*, Berlin: Edition Topoi, 2018. P. 91–127.
3. Rigsby K. J. *Asylia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley; Los Angeles; London : University of California Press. 1996.
4. Sammartano R. Magnesia sul Meandro e la “diplomazia della parentela” Le feste in onore di Artemide Leukophryene e l’attività diplomatica dei Magnesi // *ῥπουϝ - Ricerche di Storia Antica* n.s. 1-2008/2009. P. 111–139.
5. Sumi G. Civic Self-Representation in the Hellenistic World: The Festival of Artemis Leukophryene in Magnesia-on-the-Maeander // *Games and Festivals in Classical Antiquity*, Oxford, 2004. P. 79–92.
6. Thonemann P. Magnesia and the Greeks of Asia (I.Magnesia 16.16) // *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 47, 2007. P. 151–60.

ЭВОЛЮЦИЯ ТИТУЛАТУРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ИЕРАРХИИ В ГОСУДАРСТВЕ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО, ПОД ВЛИЯНИЕМ АХЕМЕНИДОВ (НА ПРИМЕРЕ ГЕФЕСТИОНА)

Е. Ю. Баулина

Киев, Киевский Национальный Университет имени Тараса Шевченко, baulinakatr@gmail.com

В докладе показано становление и эволюцию титулатуры правительственной иерархии на примере Гефестиона, ближайшего к царю Александру лица.

Ключевые слова: Александр; Гефестион; Ахемениды.

This study showed the formation and evolution of the titlature of the government hierarchy on the example of the closest person to king Alexander - Nephelion.

Keywords: Alexander; Nephelion; Achaemenids.

Актуальность темы исследования заключается в прослеживании эволюции титулатуры правительственной иерархии, на примере ближайшего человека в империи Александра – Гефестиона, в контексте изменений в военно-административной системе империи и ближайшего окружения Александра. Ведь именно Гефестион за время восточной кампании становится вторым лицом после царя, ради него вводят новую ахеменидскую должность «хилиарх» и он будет играть важную роль в создании новой модели армии.

В руках Гефестиона сосредоточились все звенья управления. После предоставления ему титула «Хазарапатиш», «главы военного дома», или «главы тысячи яблоконосцев» и дворцовых придворных, командующего кавалерией. Ему также были переданы административные полномочия: он выполнял обязанности Великого Визира и в дворцовом этикете занимал «первое после царя место» (Arr. Anab. VII. 7. 1). Заняв важные должности, Гефестион стремился сохранить позиции единственного в своем роде царского первенства. Должность хилиарха при персидском дворе означала прототип первого министра, командира дворцовой стражи и начальника царского эскадрона. Можно сказать, что в руках Гефестиона сосредоточились все нити управления страной и охрана царя. Этот важный титул Александр мог доверить только верному Гефестиону. [1, 76–77].